

Мargarита Синкевич: Николай Александрович, как известно, Валентин Григорьевич Распутин в числе многих авторов, которых следует «читать на сон грядущий», назвал и вас. Что значит для вас такая оценка?

Николай Зиновьев: Правильнее на сон грядущий было бы читать молитвы, а не произведения мирских авторов, но если автор создает произведение близкое к молитве, то есть наполненное и душевным, и духовным содержанием, то почему бы и не прочесть?

Конечно, я очень благодарен Валентину Григорьевичу и не только за вот такую, возможно и завышенную, оценку моего творчества. Благодарен и за личное общение и поддержку. Это приятно, но и ко многому обязывает. А вот Пушкинское «Хулу и похвалу приемли равнодушно» звучит как пожелание. Достичь такого состояния светскому автору, в принципе, невозможно. Хотя слово и перестало быть Богом, в нем еще осталось достаточно силы, чтобы «жечь сердца людей». Поэтому и говорю: похвала меня радует, хула огорчает, от кого бы и та и другая ни исходили.

М. С.: И все-таки чьим мнением вы дорожите?

Н. З.: Отвечу, как ответил бы любой поэт, — своим. Поверьте, никто так дотошно и пристрастно не относится к своему творению, как сам творец. Не зря же мы созданы по образу и подобию Божьему. Хотя мнение автора может быть и ошибочным. Поэтому, как мне кажется, лучше недооценить свое произведение, чем переоценить. А в абсолюте главный су-

дья — время. Хотя и здесь не все однозначно. Ведь поэзия существует вне времени и пространства. Она — кусочек вечности, которой поэт может управлять.

*Двадцатый век. Начало. Спас
Глядит с иконы в каждой хате,
А на дворе полдневный час,
И тени прячутся, как тати.
А среди старых тополей,
Смеясь залиvisto и звонко,
Босая бегают девчонка,
Что станет бабушкой моей...*

М. С.: всю свою жизнь вы прожили в Кореновске. У вас никогда не возникало желания переехать поближе к эпицентру литературной жизни?

Н. З.: Эпицентр литературной жизни? Я отделяю жизнь литературную от просто жизни. Творчество? Для меня поэзия требует тишины и уединения. Даже одиночества.

М. С.: А на Кубани у вас сложился литературный круг общения? Кто из кубанских авторов человечески и творчески вам близок?

Н. З.: Как я уже сказал, поэзия требует одиночества. Пожалуй, поэтому у меня и на Кубани, в том числе, не сложился литературный круг общения.

Скорее исключением, чем правилом является моя давняя дружба с русским поэтом, живущим в Анапе, Сергеем Зубаревым. Человечески и творчески мне близок был и остается Вадим Петрович Не-

подобя, которого с нами уже нет. Зримо нет:

*«У Бога все живы», — как будто алмаз,
Сверкает строка из Завета.
Покажется странным, быть может, для вас,
Но живы все и у Поэта.*

М. С.: Часто ли вы нарушаете это творческое уединение? Например, ради встречи с читателями?

Н. З.: Будь моя воля, я бы нарушал его только в крайних случаях. Но житейские проблемы заставляют делать это гораздо чаще. Причем, если долго не удастся «творчески уединиться», я бы сказал, в классическом виде — берег реки, ивы, старая лодка на цепи, срабатывает механизм, принцип работы которого я объяснить не смогу. Сижу я, скажем, в зале кинотеатра, но не вижу и не слышу того, что происходит вокруг, погруженный в свои мысли и чувства.

С читателями края встречаюсь довольно часто, последние встречи были в Горячем Ключе, Лабинске, Геленджике, Темрюке, Армавире, Ейске, Краснодаре... За пределами края встречи происходят реже. По разным причинам. Но удалось встретиться с читателями Москвы, Новосибирска, Иркутска, Ярославля, Ростова-на-Дону, Волгограда...

М. С.: Поделитесь с нами впечатлениями. Какой, на ваш взгляд, читатель XXI века? Чем отличается от читателя XX века?

Н. З.: Сначала о читателе XX века. Мы жили в атеистическом государстве, где существовала идеологическая цензура. Поэтому читатель не слышал, а поэт не писал духовных стихов. Это, бесспорно, плохо. Но существовала и художественная цензура, не позволявшая издавать откровенно графоманские «поделки». А это хорошо. Читатель XX века — читатель с хорошим вкусом, но с темной безбожной харизмой, маскируемой мифом о некоем «светлом будущем».

Теперь о читателе XXI века. Писать и читать богословские книги сейчас не только можно, но и модно. И не только модно, у части людей тема духовных стихов вызвана столь же духовной потребностью. Это хорошо. Но отсутствие художественной цензу-

ры открыло ящик Пандоры. На прилавки книжных магазинов хлынуло море стихов, ни к поэзии, ни к духовности отношения не имеющих. Получается, читатель XXI века напрочь лишен вкуса, а это ведет к искаженному пониманию духовности и прочим, вытекающим из этого, последствиям. Возможно, это одна из причин сумеречного состояния нашего народа. Одна из многих.

Хотел сказать: «Но будем надеяться на светлое будущее» и осекся. Какое «светлое будущее» может быть у атеиста-материалиста? Как не было его до зачатия, так и не станет после смерти. Пустота, если не считать гниющих костей в деревянном ящике, зарытом на двухметровую глубину. У человека верующего это светлое будущее совсем иное. Он знает, что после смерти жизнь не заканчивается, хотя вероятность попасть в рай, а не в ад — десятые доли процента. Но десятые доли процента Надежды попасть в царство небесное — разве этого мало? Ведь именно они придают смысл нашей земной жизни, а иначе...и говорить не хочется.

Для чего я это написал? Все мои стихи об этом. Я бы назвал свою поэзию миссионерской. Своими стихами я хочу убедить прежде всего самого себя в существовании Бога, а следовательно, в существовании Любви, которая превыше всего. Естественно, это кому-то не нравится. Я даже знаю, кто эти «кто-то». Помните роман Достоевского?

М. С.: О них вы прямо говорите во многих стихотворениях, например, в стихотворении «Сон»: «Русь не зовут уже Святой, / Она у бесов под пятой...» Что больше всего неприемлемо для Вас в современном мире?

Н. З.: И да, и нет. Бес не живет в литературном персонаже. Он злобствует в душе живого человека. Причем, по-моему, в душе каждого. Просто у кого-то это бесенок, а у кого-то бесьяра. Вспомните Писание: и имя им — Легион. Бесы: сребролюбия, гордыни, чревоугодия, зависти, блудодеяния, жестокосердия... Кто без этих пороков? Увы. «Любовь умалится...» Но свято место пусто не бывает. И вслед за уходящей из души Любви в нее стекает зло. Так

что это как бы не образ, а факт. И то, что мы живем у бесов под пятой, тоже не образ. Именно так и происходит: каждый живет под пятой у своего или своих. Причем бес интернационален и никаких классовых различий не признает. Он со злобным усилием, усердием делает свое черное дело как в душе русского, также и в душе француза или жителя острова Борнео. Думаю, вся мировая литература (и поэзия в частности) не что иное, как описание этих бесов, не являющихся видимо, но выражаемых в грехах и пороках. Литература, которая — разумеется, талантливо — противостоит человеческим порокам — конструктивна, благородна. А все остальное — чтиво бесполезное. А порой и вредное. Получается, что поэзия — дитя веры. И атеист, который говорит, что любит поэзию, лукавит. Он, по определению, так же далек от нее, как и от Бога.

Что больше всего мной неприемлемо в мире? Не буду оригинален, если скажу — ложь. Да именно фундамент этого мира и является причиной его, мягко говоря, несовершенства. С ней — ложью — тоже надо бороться, но не с мировой, а в себе, со своей личной. Сразу же приходят на ум слова: спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи. Поэт, как человек с богатым воображением и особой чуткостью к собственной лжи, может дать ценные советы (в стихах, разумеется) в борьбе с этой болезнью всех веков и поколений.

М. С.: **Есть ли среди современных литераторов авторы, близкие вам духовно, ментально, творчески?**

Н. З.: Среди современных авторов трудно отдать кому-то предпочтение. Любви в нашем мире становится меньше. Поэзии, которая, по сути, и есть любовь, тоже стало мало. Еще Н. Рубцов писал, что в его время Поэзия была уже «островками». А в наше? Кочками?

Духовно мне близок Иеромонах Роман. Творчески — Евгений Семичев, Сергей Зубарев, Игорь Тюленев. Пожалуй, и все. Я мало читаю современных поэтов, да и прозаиков тоже. Сейчас читаю бо-

гословскую литературу, которую не было невозможно читать в юности.

М. С.: **Какие писатели оказали влияние на формирование поэтического дара Зиновьева? Что вы читали в юности?**

Н. З.: Читал я очень много в детстве, отрочестве и юности. Читал классику: Бунин, Гоголь, Куприн, Лесков — это позже, а мальчишкой — «Зверобоя», «Последнего из могижан», «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна»... Что странно: стихов не читал вообще. Я их не чувствовал, хотя поэзией исподволь наполнялся из произведений Гоголя, Бунина... Наверное, к 20 годам поэзия в душе и сердце достигла критической массы и — рванула. Неожиданно для себя я начал писать стихи.

М. С.: **Николай Александрович, вы одновременно учились в станкостроительном техникуме и на филологическом факультете Кубанского государственного университета? Как возникла эта разнополюсность интересов и наложила ли она отпечаток на ваше творчество?**

Н. З.: Уже через год после поступления в станкостроительный техникум понял: это не мое. Мы в техникуме много чертили, думаю, в моих стихах от этого осталась точность, черно-белость, законченность. Хотя, может быть, я ошибаюсь. Потом поступил в ПТУ, учился на сварщика. Выучился — нужно было зарабатывать деньги. Поступил в КубГУ на филфак заочно, учился и работал, или, вернее, работал и учился. Ну и стихи писал, и до сих пор пишу.

М. С.: **Поговорим о вашей семье. Классик советской литературы Твардовский писал: «Мы все — почти что поголовно / — Оттуда люди, от земли, / И дальше деда родословной / Не знаем: предки не вели...» Об истории вашей семьи известно много подробностей. Например: «Прадед поэта по матери — Соболев Кондрат Сергеевич, казак, верно служил до революции царю, участник военных действий с австрогерманцами. Имел Георгиевский крест IV степени (№ 4140-43, приказ по 2-му Черноморскому полку от 8 октября 1915 года, город Несвиж) за выдающееся мужество и хра-**

брось. В 1941 году был взят в НКВД, как враг народа, а после (уже посмертно) реабилитирован»; «Дед по матери — казак, работал в колхозе до войны 1941 — 1945 гг. комбайнером. С войны не вернулся, погиб в Крыму, заменив в бою погибшего командира (по словам очевидца)»... Как вашей семье удалось сохранить родовую память?

Н. З.: Есть такое выражение: веру православную сохранили белые платочки... Вот и в нашей семье в каждом поколении была своя «бабушка», которая передавала семейные предания дочери или невестке. Кстати, совсем недавно в разговоре со своей матушкой всплыла версия происхождения старой казачьей фамилии. Уж не знаю, насколько она верна, но... В девичестве она — Соболь. Еще во времена Ермака один из наших предков имел так сказать трофейное оружие — саблю с гравировкой на лезвии фигурки соболя. Так его потом и стали называть. Сабля эта находилась в семье аж до революции. Потом что с ней стало, неизвестно. Предками, которые были мужественнее, мудрее и духовнее меня, горжусь. У меня много стихов о моих дедах, прадедах, бабушках.

М. С.: В отличие от большинства поэтов, которые рано начали писать стихи, вы свои первые произведения написали в 20 лет. Как ваши родители отнеслись к вашим поэтическим начинаниям?

Н.З.: Я начал писать стихи в 20 лет. Может быть, поэтому у меня не было так называемого периода «ученичества». Я практически сразу определил свой стиль, круг тем, творческий почерк, который, я надеюсь, со временем меняется в лучшую сторону.

Родители отнеслись к моим первым публикациям скорее равнодушно, чем заинтересовано. Хочется вспомнить эссеиста Генри Льюиса Менкена, который говорил, что, как бы почтительно ни относилась к вам семья, «как бы ни ценила она ваши достоинства и авторитет, втайне она всегда смотрит на вас как на осла и питает к вам нечто вроде жалости». По-моему, точно так же относится к поэтам большая часть народа.

М. С.: Николай Александрович, много трогательных строк вы посвятили своей жене. Расскажите, что вас связало на долгие годы? Как Ирина оценивает ваше творчество? Влияет ли на него?

Н.З.: Отношение жены к моему творчеству несколько иное, чем у моих родителей. Наверное, за годы, прожитые вместе, она «опылилась» от меня равнодушием к поэзии и, я надеюсь, не считает меня ослом.

Влияет ли Ирина на мое творчество? Однозначно — да. А как? Об этом можно написать целый роман, а я не прозаик.

М. С.: Тридцать пять лет назад вы начали писать стихи, тридцать лет назад вышла в свет ваша первая книга. Что удалось сделать за это время? Как вы оцениваете пройденный творческий путь?

Н. З.: Как человеку — ничего. Разве можно сравнить меня сегодняшнего с тем чудным, чистым, как ангел ребенком, который живет в моей памяти? Кстати, о детстве я много написал стихов. Конечно, как и все поэты, считаю, что лучшие мои стихи еще не написаны. Да и новая книга витает в мыслях. А чего достиг как поэт? Судить не мне, а читателю. Я не знаю, какой я поэт, но пишу я для Великого Читателя. ■

Редакция «Родной Кубани» поздравляет Николая Зиновьева с получением Бунинской премии-2017 и желает поэту неиссякаемого вдохновения и новых творческих побед!